

Юрий Аксютин
ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ» И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАСТРОЕНИЯ В СССР В 1953-1964 гг.

ВВЕДЕНИЕ

Период 50 – первой половины 60-х годов XX в. является исключительно важным в отечественной истории, существенно повлиявшим на дальнейшее развитие государства и общества. Ища ответы на сегодняшние вопросы, мы нередко спрашиваем: почему и когда это началось? Немецкий писатель Т. Манн, умевший мастерски синтезировать современность и прошлое, сравнивал это самое прошлое с бездонным колодезём. И действительно, находится немало людей, которые, представляя цепь минувших событий, их причин и следствий бесконечной, уверены, что можно остановиться на любом ее звене, чтобы попытаться дать объяснение ныне происходящему. Полагая, что, как и всякое чрезмерно широкое обобщение, это суждение страдает определенной односторонностью и ущербностью, следует все же признать, что есть в нашей истории такие узловые точки, в которых фокусируются истоки нынешних сложных и противоречивых событий, как животворные истоки, питающие нашу гордость и наши надежды, так и пагубные истоки насилия, обмана и лжи.

Смерть И.В. Сталина и последовавшие за ней осуждение некоторых аспектов его внешней и внутренней политики, критика «культы личности и его последствий» оказали огромное влияние на советскую политическую систему и общественную жизнь. Новые руководители, не посягая на основополагающие принципы социалистической системы, существовавшей в СССР, предприняли попытку модернизировать ее, реформировать, отказавшись от тех ее частей и элементов, которые посчитали или уже малоэффективными или просто лишними.

Однако начатый тогда процесс либерализации оказался непоследовательным, недостаточно широким и глубоким, он не получил должной поддержки ни общества, ни элиты. Открытое, на грани войны противостояние с Западом хоть и смягчилось в известной степени, однако международная разрядка не стала абсолютной и то и дело отравлялась рецидивами дипломатической и даже военной напряженности. Все более и более давали о себе знать сложности в отношениях с союзниками внутри социалистического лагеря. Бремя гонки вооружений если и ослабевало, то не настолько значительно, чтобы положительно сказаться на

народном хозяйстве. Экономика продолжала развиваться неравномерно и экстенсивно, попытки ее реформировать носили сугубо административный характер и мало способствовали повышению эффективности. Положительные изменения в социальной сфере ограничивались только городской частью населения страны и не очень-то существенно затронули его сельскую половину. Прекращение массовых репрессий способствовало известной стабилизации в обществе, но само общественное мнение по-прежнему формировалось исключительно сверху. Несовпадающие с ним оттенки общественных настроений, если уже и не преследовались, то чаще всего игнорировались. Не покончено было с попранием многих прав человека. Власть оставалась в руках одного человека, опиравшегося на партийный аппарат и силовые структуры. Более явственно проявились и такие негативные явления, как «субъективизм» и «волютаризм».

Переменам в жизни советского государства и общества после смерти Сталина посвящена обширная литература. Отечественная историографическая традиция определяет первое послесталинское десятилетие как время «оттепели», как период обновления советской системы. Многосложный процесс развития в те годы получил неоднозначное, подчас противоречивое отображение в научных трудах, публицистике, литературе и искусстве. Неоднозначно рассматривается и оценивается он и в историографии. Наряду с новыми оценками и подходами в освещении фактического массива нередко стереотипы, догматические, конъюнктурные подходы.

В последние десять – пятнадцать лет достаточно вырисовался новый для отечественной исторической науки предмет исследования. Сложился круг авторов, активно работающих над этой проблематикой. Обозначились общие подходы и дискуссионные вопросы. Уже достаточно полно изучены такие стороны исследуемой проблемы как политическая история реформ (XX съезд КПСС, многие сюжеты внешней и внутренней политики этого периода, центральная фигура этого десятилетия – Н.С. Хрущев). И хотя не все тут до конца прояснено, результаты этой впечатляющей работы могут быть приняты наукой и практикой на вооружение.

Ставились, но в силу объективных и субъективных причин не получили решения или трактуются неверно такие вопросы, как борьба за власть, роль не только Хрущева, но и Берии с Маленковым на начальном этапе реформ, личное соперничество Хрущева с Молотовым, что именно объединяло коллективное руководство и что разъединяло, взаимосвязь между внутриполитическими новациями и военно-стратегическим противостоянием с США и Западной Европой, с одной стороны, и до поры до времени негласным соперничеством за лидерство в мировом революционном движении с китайским руководством, наконец, социально-психологические аспекты взаимоотношения верхов и низов, руководителей и масс.

Совсем не разрабатывались, но являются существенными для познания всей проблемы, а не только отдельных ее сторон, и ожидают своего исследования общественные настроения данного периода, процесс десталинизации массового сознания, вопрос о количественных параметрах в оценках обществом тех или иных мероприятий советского руководства.

Все это является достаточным основанием для дальнейшей работы над темой. Тем более что и теперь в научной литературе, а особенно в средствах массовой информации можно встретить массу самых разнообразных политических спекуляций на нашем недавнем прошлом.

Исходя из этого, автором поставлена цель – с позиций современного научного знания исследовать такие конкретно-исторические проблемы общественно-политической жизни 1953-1964 гг. в СССР, как либерализация режима, получившая тогда же название «оттепель», отношение к этому процессу самих наследников Сталина в свете развернувшейся между ними борьбы за лидерство, а также меняющиеся взаимоотношения между властью и обществом, реакция «низов» на исходящие «сверху» импульсы, их отношение к тем или иным внешне- и внутриполитическим мероприятиям советского руководства, эволюция взглядов на деятельность тогдашнего лидера и ее динамика.

Такая цель определила необходимость решения следующих конкретных задач:

- более детально рассмотреть деятельность «коллективного руководства», особо остановившись на таких его ключевых фигурах, как Берия, Маленков, Хрущев и Молотов, их роли в намечившихся отходах от жесткой линии Сталина;
- рассмотреть выдвигавшиеся тогда модели государственно-партийного руководства и

варианты возможного реформирования, показав, как партийный аппарат укреплял свои позиции и усиливал свою роль в управлении страной;

- более четко представить, что в последовавших затем новациях, предпринятых Хрущевым, соответствовало действительным нуждам реформирования общества, государства и партии, а что носило характер догматизма, не соответствовало реалиям и потому в значительной мере справедливо было названо потом «субъективизмом» и «волюнтаризмом»;

- вычленив этапы партийно-государственной политики по отношению к сталинскому наследию, в том числе к культу его личности;

- выяснить, как эта политика сказывалась на социально-экономическом, социально-психологическом и политическом состоянии и развитии общества, исследовать восприятие простыми людьми политического курса на десталинизацию, провести сравнительный анализ общественной и официальной точек зрения по этому вопросу;

- раскрывая содержание, динамику и противоречия во взаимоотношениях власти и общества, проанализировать сущность «оттепели», определить место ее среди других изменений, происшедших в данном периоде, выяснить реакцию на импульсы, исходящие от высшего руководства, на его внешнюю и внутреннюю политику;

- попытаться ответить на вопрос, почему курс на реформы с течением времени уступил место непродуманным административным, аппаратным и кадровым перетряскам;

- вскрыть корни усиления идеологического диктата в различных сферах общественной жизни после провозглашения курса на развернутое построение коммунизма;

- сделать выводы о причинах, помешавших реализовать провозглашенные задачи по реформированию жизни общества и сделать «оттепель» в духовной жизни общества необратимой.

Объектом исследования являются взаимоотношения власти и общества во всем многообразии и противоречивости их проявлений. Особое внимание уделяется эволюции взаимоотношений внутри высшего партийного руководства и между этим руководством и советским обществом в период «оттепели».

Исходя из этого определяются и хронологические рамки работы. Поскольку Коммунистическая партия являлась в СССР надгосударственной структурой, доминирующей в советской политической системе, а в ней самой решающую роль играла личность ее лидера, да к тому же начавшиеся после смерти Сталина политические и социально-экономические преобразования, само понятие «оттепели» непосредственно связано с именем Н.С. Хрущева, то и книга ограничивается периодом с 1953 по 1964 г., когда он занимал пост первого секретаря ЦК КПСС.

Внутренние временные границы исследования связаны с началом и концом каждого из циклов, в рамках которых наблюдались приливы и отливы, определявшие политический и общественный климат в стране. Этих циклов было три. Первый, самый насыщенный событиями, начался сразу же после смерти Сталина в марте 1953 г. и закончился отставкой Маленкова в начале 1955 г. Установление несомненного лидерства Хрущева в коллективном руководстве означало наступление следующего цикла. Для него были характерны целый ряд новаций во внешней политике в 1955 г., разоблачение культа личности Сталина на XX съезде КПСС, а также ожесточение борьбы за власть в 1957 г., завершившееся устранением из Президиума ЦК и самого ЦК действительных и мнимых противников первого секретаря. Наконец, последний цикл – самый длительный (ноябрь 1957 – октябрь 1964 г.) сопровождался целым рядом больших и маленьких поворотов, кризисов во внешней и внутренней политике, а также нарастающим разочарованием и недовольством самых различных слоев и групп населения. Завершился он, как известно, аппаратным заговором, в результате которого Хрущев был отправлен в отставку.

Для изучения исследуемой проблемы применялись самые разнообразные методы. Выбор каждого из них определялся необходимостью и возможностью наилучшим образом решить каждую из поставленных задач. Так, структурно-функциональный (системный) метод использовался при изучении советской политической системы 50-х и 60-х годов, раскрытия внутренних механизмов ее функционирования и развития. Метод моделирования использовался при создании модели взаимоотношений между властью и обществом.

Сравнительно-исторический метод был незаменим при сопоставлении взглядов Хрущева и других членов коллективного руководства на те или иные проблемы и способы их решения в тот или иной хронологический период. Метод реконструкции оказался полезным при вычленении имеющихся в нашем распоряжении источников по истории борьбы за лидерство в партии, постановки и решения назревших проблем реформирования системы, особенно учитывая недоступность для исследователя протоколов заседаний Президиума ЦК КПСС и материалов к ним. Этот же метод применялся при истолковании результатов массового опроса свидетелей и очевидцев событий 1953-1964 гг. Довольно действенными оказались попытки каким-то образом формализовать выявленные при этом настроения, применить к их изучению математические методы, использовать достижения социологии.

Конечно, в такой неточной науке, как история, о строго научном Методе исследования говорить трудно. И тем не менее, конкретно-историческое описание, конкретно-исторический подход здесь полностью применимы. Сложнее оказалось с применением классового подхода: он при анализе общественных настроений именно этого периода не всегда оказывался действенным. В работе над книгой привлекались самые разнообразные виды источников. Первую их категорию составляют официальные документы и материалы властных инстанций разного уровня, как публиковавшиеся тогда же, так и предназначенные для ограниченного круга лиц.

Объективно представить внешнюю и внутреннюю политику СССР в исследуемый период позволили опубликованные в различных сборниках и в периодической печати документы КПСС и советского государства{1}. Важное значение имеют и публиковавшиеся тогда выступления советских руководителей на партийных съездах и пленумах ЦК КПСС{2}, на сессиях Верховного Совета СССР{3}, на разного рода совещаниях{4}, митингах, встречах с населением, в том числе с представителями интеллигенции. Отражая официальную позицию, они также содержат сведения и оценки, которых не было в постановлениях, принимавшихся высшими органами власти, а потому предоставляют возможность лучше судить о субъективном факторе, нередко имевшем тогда определяющее значение.

Более полно и объективно представить политику КПСС в исследуемый период по всем вопросам, которые рассматриваются в книге, позволяют материалы XX, XXI и XXII съездов. Причем не только опубликованные стенограммы{5}, но и недавно рассекреченные подготовительные материалы, находящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ){6}. Проследить в динамике постановку вопроса о культе личности Сталина и его последствиях позволяет изучение этих и других доселе неизвестных документов в хронологической последовательности их принятия.

Необходимо, правда, оговориться, что существующая источниковая база, во многом определяющая характер, да и границы исследования, имеет свои особенности. До сих пор остаются недоступными для исследователей протоколы и другие материалы Президиума ЦК КПСС{7}, в которых и должна быть отражена борьба мнений в тогдашнем руководстве по тем или иным проблемам внешней и внутренней политики.

Правда, в последнее время рассекречены, опубликованы или готовятся к печати стенограммы некоторых пленумов ЦК КПСС, на которых в подробностях рассказывалось об обстоятельствах низвержения Берии{8}, причинах смещения Маленкова{9}, «ошибках» Молотова и действиях так называемой «антипартийной группы» Молотова, Маленкова и Кагановича{10}. Подробности эти весьма интересны и довольно много могут дать для того, чтобы представить себе логику и детали развернувшейся после смерти Сталина борьбы за лидерство. Важное значение имеют и выступления руководителей партии и государства на пленумах ЦК КПСС. На этих форумах, в своем кругу, они позволяли себе говорить многое из того, что почти никогда не произносилось в другой аудитории, в их выступлениях содержатся также некоторые сведения и оценки, которые не вошли в опубликованные документы или не нашли в них достаточного отражения.

И еще одно обстоятельство придает этим документам чрезвычайно важный характер: рассказывая членам ЦК о своих спорах, члены Президиума ЦК приводили такие подробности и любопытные детали, которые не всегда могли быть запротоколированы даже на их заседаниях. А ведь такого рода споры, порою переходящие в ссоры, велись ими и в кулуарах, в частных

беседах, во время торжественных церемоний и застолий. И мы бы никогда о них не узнали, если бы они потом на пленумах ЦК не прибегали к такого рода аргументам, как «А помнишь, ты сказал...». Однако при работе с такими текстами необходимо не упускать из виду того, что решающее слово в описании недавних столкновений принадлежало победителям, а они отнюдь не были абсолютно объективными и правдивыми.

Значительный объем источников составила периодическая печать, газеты и журналы непосредственно исследуемого периода. Следует, правда, иметь в виду, что средства массовой информации, целиком находившиеся в прямом подчинении партийного пропагандистского аппарата, ничего иного, кроме официальной точки зрения и ее одобрения «всеми трудящимися», не излагали. И тем не менее газеты (прежде всего, орган ЦК КПСС «Правда») и журналы, издаваемые в тот период, важны не только для изучения политической жизни страны, но и общественного мнения, формируемого партией, а также тех проявлений общественной и духовной жизни, которые осуждались властью, подвергались ею публичной критике. Некоторые из газетно-журнальных материалов, получивших значительный общественный резонанс, были перепечатаны тогда же в специальных сборниках{11}. Немало ценных материалов содержит «Справочник партийного работника», издание которого было возобновлено в 1957 г.

В силу того что частная жизнь граждан в СССР находилась под постоянным надзором власти, архивные фонды партийных организаций и государственных учреждений сохранили немало данных, которые могут быть признаны вполне информативными с точки зрения отражения общественных настроений и представлений людей, в том числе и абсолютно интимного характера.

Частично уже опубликованы отчеты о политических настроениях в обществе и армии, составленные партийными органами и чекистами{12}, а также каталоги чекистских документов в «особых папках» В.М. Молотова и Н.С. Хрущева{13}. Начата публикация судебных приговоров по политическим делам{14}.

Хотя социологическое зондирование общественных настроений, в подлинном смысле этого слова, и не проводилось, но надобность знать, чем же дышат «низы», у «верхов» была, и негласный контроль за этим существовал чуть ли не с первых дней советской власти. Осуществляли его как партийные комитеты, так и чекисты. И оформлялся он в виде посылаемых в ЦК сводок об откликах на решения высших партийных и советских органов, информации об избирательных кампаниях, а также перечней наиболее типичных вопросов, задаваемых на различных собраниях в производственных коллективах. Эти материалы вводятся в научный оборот впервые. Находятся они на хранении в нескольких архивах: уже упоминавшемся Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ, бывшем текущем архиве ЦК КПСС), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, бывшем Центральном партийном архиве), а также Центральном архиве общественных движений Москвы (ЦАОДМ, бывшем архиве МК и МГК КПСС).

Документы такого рода составлялись по уже давно отработанной схеме. Большую их часть, если не целиком, занимали положительные и восторженные высказывания, причем выдаваемые за «единодушные». Однако в конце такого документа нередко содержалось признание того, что «наряду с этим встречаются отдельные случаи проявления нездоровых, а порой и враждебных настроений». Исключение составляла лишь информация о конкретных проявлениях враждебных власти и строю настроений и действий, которой органы госбезопасности и местные власти считали необходимым поделиться с высшим руководством. Считать объективными эти очень интересные материалы можно с большой натяжкой. Сколь бы много их ни было, они могут дать материал только для составления мозаики общественных настроений, их спектра, но не для выяснения того, какое из этих настроений тогда превалировало. К тому же нельзя быть абсолютно уверенным в том, что цитируемые в них высказывания и взгляды точно отражают то, что говорилось тем или иным человеком, что они не произвольны в какой-то степени и даже не сфабрикованы, не сфальсифицированы. Но даже если отбросить эти опасения, нельзя не оговориться, что вся эта информация фиксирует внимание лишь на двух полюсах общественных настроений – на «всенародном одобрении» и на исключении из этого «правила». И все же, за неимением лучших доказательств, этот архивный

материал, которым мы сумели воспользоваться, можно считать в значительной мере отражающим общественные настроения 50-х и 60-х годов и дающим некоторое представление о том, что принято называть «гласом народным».

Важное значение имеют и материалы личного происхождения. Здесь следует различать три пласта.

Первый и наиболее достоверный из них – письменные жалобы, обращения и требования как отдельных лиц, так и групп. В настоящем исследовании использованы письма, адресованные в ЦК КПСС, а также присланные туда же сводки писем, полученных в редакции газеты «Правда» и в Президиуме Верховного Совета СССР. Все они выявлены в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). В основном это сигналы наверх от людей, мыслящих традиционно, ортодоксально. Но чем больше времени проходило со дня смерти Сталина, тем больше смелела часть недовольных. И дело стало доходить до требования персональных перемен на советском Олимпе{15}.

Традиционно протестный характер имели надписи на избирательных бюллетенях и опущенные в избирательные урны записки. Участковые избирательные комиссии, подсчитывая голоса, в обязательном порядке откладывали в сторону такие бюллетени и записки, чтобы ознакомить с ними чекистов и партийных руководителей. Те их читали и в обобщенном виде направляли наверх, вплоть до ЦК. Изучение этих сводок, хранящихся в РГАНИ, также помогает судить о настроении определенной части общества{16}.

Следующий пласт – дневниковые записи. Они довольно точно фиксируют отдельные события из личной и общественно-политической жизни. В них отражается сиюминутное восприятие исторического факта, события, явления. Но вот оценка его присутствует там не всегда. Да и дается часто с учетом самого разного рода посторонних обстоятельств, в том числе небезосновательных опасений, что их читателями окажутся нежелательные лица. Например, писатель Ю.М. Нагибин подробно и порой чересчур откровенно фиксирует свои личные переживания по поводу семейных и творческих успехов и неудач, свое негодование от виденного в колхозной деревне, свою неприязнь к коллегам-писателям. Но из всех общественно значимых событий 1953-1964 годов в его дневнике отмечена только серия встреч Хрущева с творческой интеллигенцией, совпавшая со случившимся с ним инфарктом: «Быть может, оттого, что вокруг творился неистовый смрад, [что] шло яростное уничтожение того немногого, что было дано после марта 1953 года, и мощно воняло трупом Сталина, собственный распад как-то обесценился, утратил значительность»{17}. Своеобразной формы изложения придерживался К.И. Чуковский, занося в свой дневник высказывания своих друзей и знакомых{18}. Более откровенно доверял бумаге свои впечатления, мысли и соображения А.Т. Твардовский{19}. Дневниковые записи кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС П.Е. Шелеста перемежаются с воспоминаниями, и порой их трудно отличить друг от друга{20}.

Наиболее критического отношения к себе требуют мемуары. На их содержании сказываются и память (отличная, выборочная или совсем плохая), и кругозор, и время, меняющее политические приоритеты и оценки, и способность трезво смотреть на свое прошлое, не видеть в нем того, чего не было. Для исследователя этот вид источников представляет большой соблазн. Ведь воспоминания открывают историку много нового и ценного, того, что трудно или вообще нельзя найти в других видах источников, приглашают нас заглянуть «за кулисы», «внутри» исторических событий. Особенно если их авторы – политические, партийные, государственные, хозяйственные деятели советского государства, видные представители творческой интеллигенции. Но при этом, повторяем, не следует забывать о зависимости памяти мемуаристов от их сегодняшних представлений о том, каким должно быть прошлое. И все же, если приводимые в воспоминаниях факты не противоречат другим известным свидетельствам, если эти факты укладываются в логику поведения или алгоритм развития событий, к ним можно отнестись с некоторой долей доверия.

В настоящей работе использованы мемуары активных участников, а также свидетелей событий, происходивших тогда в стране. В первую очередь среди них следует выделить воспоминания самого Н.С. Хрущева, продиктованные им после отставки на магнитофон и обработанные затем сыном{21}. Интересные детали можно обнаружить в воспоминаниях А.И. Микояна, представляющих собой записанные его сыном диктовки и домашние рассказы{22}.

Обширная информация о первых четырех годах после смерти Сталина содержится в воспоминаниях В.М. Молотова, записанных поэтом и публицистом Ф. Чуевым{23}. Кое-что можно почерпнуть об этом же времени и из собственноручных воспоминаний Л.М. Кагановича{24}. Факты, которые были известны лишь очень узкому кругу лиц высшего эшелона власти, приводит в своих воспоминаниях кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Н.А. Мухитдинов{25}. Весьма скептическое отношение вызывают воспоминания другого кандидата в члены Президиума, а также секретаря ЦК КПСС Д.Т. Шепилова, непосредственно шефствовавшего над идеологией и ведавшего отношениями с творческой интеллигенцией. Они интересны многими подробностями и заставляют по-новому взглянуть на некоторые обстоятельства принятия решений и подковерной борьбы на Старой площади и в Кремле в 1953-1957 гг. Но к приведенным там свидетельствам следует подходить с особой осторожностью. В них нет даже намека на объективность, все они пронизаны неприязнью к Хрущеву{26}.

Неприятие и даже критика «оттепели» вообще характерны для воспоминаний, принадлежащих людям из партийно-государственного окружения Хрущева. Приводимые ими подробности политической жизни, акцент на субъективизме и волюнтаризме, интерпретация «оттепели» в терминах внутрипартийных идеологических разногласий, «традиционалистские» подходы и схемы свидетельствуют или об их стремлении к скрытой ревизии решений XX съезда КПСС или о желании снять с себя вину, уйти от ответственности (Г.И. Воронов, В.Е. Семичастный, А.Н. Шелепин, П.Е. Шелест и др.){27}.

Признание правильности курса, избранного в 50-е и 60-е годы в некоторых из воспоминаний, соседствует с полным отсутствием критического анализа, с умалчиванием о Хрущеве (или, наоборот, резко негативными отзывами) и XX съезде, с апологетикой сталинского режима, лакировкой, преклонением перед вождем{28}. Это, однако, не снижает информационной ценности данного рода литературы, наполненной подробностями тех или иных событий означенного периода{29}.

Особый интерес мемуары представляют для изучения общественных настроений. Написанные представителями самых различных слоев населения, они и представляют сравнительно широкий диапазон мнений и суждений{30}. Однако, оставаясь по сути своей сугубо субъективными, эти материалы свидетельствуют лишь о том, что какое-то мнение было, высказывалось, даже обсуждалось, но не о том, насколько было распространено и разделялось другими людьми.

Пока изучение общественных настроений сосредоточивалось на жизни людей отдаленных эпох, историку приходилось иметь дело лишь с теми источниками, которые были уже зафиксированы и дошли до наших дней. В отличие от этнолога и психолога он был лишен возможности проводить «полевые исследования». Однако, если обратиться к проблемам современной истории, источниковый арсенал историка значительно расширяется. Его существенно может дополнить «устная история», которая уже становится новым направлением исторических исследований{31}. Да, конечно, устная история собирает наподобие пылесоса все и без всякого разбора. Как и любые воспоминания о прошлом, устные свидетельства носят не очень-то надежный характер. Они часто неточны в силу ограниченных возможностей человеческой памяти и в значительной мере окрашены сегодняшним отношением к прошлому.

Но ведь и официальные документы можно считать объективными с большой натяжкой. Работая с такого рода информацией об общественных настроениях, необходимо иметь в виду, что документы КГБ фиксируют не норму, а отклонение от нее, своего рода политико-психологическую патологию, с точки зрения режима. Как широко она была распространена?

На этот вопрос в какой-то мере могут ответить массовые ретроспективные интервью. Сбор и количественная обработка устных воспоминаний помогает спуститься до уровня «молчаливого большинства», дать слово тем слоям и категориям советского общества, о пристрастиях и настроениях которых трудно получить полное и объективное представление из всех прочих источников.

Для сбора устных свидетельств и оценок были разработаны вопросы специальной анкеты, и студенты факультета истории, политологии и права Московского педагогического (ныне

государственного областного) университета провели по ней в 1994-1999 гг. опрос полутора тысяч человек (своих родителей, близких и дальних родственников, просто знакомых и даже случайных встречных), помнящих о событиях той эпохи. Рассказы этих людей, а главное высказанное ими личное отношение к тому или иному событию, к тому или иному политическому лидеру, дали возможность и некоторые основания для того, чтобы попробовать выявить количественные оценки различных секторов спектра политических настроений и предпочтений времен «оттепели», проследить динамику популярности Хрущева. В этом и заключается в значительной мере новизна данного исследования.

Многие суждения и оценки, вошедшие в данную книгу, возникли в результате долгих, многолетних дискуссий с коллегами по совместной исследовательской и преподавательской работе – О.В. Волобуевым, Ю.Н. Жуковым, В.В. Журавлевым, Е.Ю. Зубковой, С. В. Кулешовым, В.С. Лельчуком, Л.А. Опенкиным, Т.В. Осиповой, Ю.В. Сигачевым, Н.И. Смоленским, Н.С. Хрущевым-внуком, В.В. Шелохаевым, а также с В. Таубмэном.